

Б. Р. Мандель

Всемирная литература

Нобелевские лауреаты
(1957-1980)

Борис Рувимович Мандель

Всемирная литература: Нобелевские лауреаты 1957-1980

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824777

*Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1957-1980) :
иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений
гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура): Директ-
Медиа; Москва-Берлин ; 2014
ISBN 978-5-4475-3638-1*

Аннотация

Данный учебник представляет собой продолжение курса «История зарубежной литературы», изучаемого в высших учебных заведениях гуманитарного направления согласно Федеральным образовательным стандартам и образовательным программам. Кроме того, в большей части, материал учебника соответствует также стандартизированным принципам курса «Литература». Учебник освещает основные этапы жизни и творчества выдающихся писателей мира, делая упор на художественные особенности и мастерство. В учебнике сделана попытка охватить наиболее яркие произведения нобелиатов. Учебник написан доступным языком. Материал расположен в связи с хронологией событий, связанных с вручением

Нобелевской премии по литературе. Кроме того, в книге содержатся отрывки из произведений, речей нобелиатов. Одной из важнейших частей книги является список литературы, список художественных текстов, вопросы для самостоятельной подготовки к экзаменам и зачетам. «Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1957-1980). Иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура)» представляется полезным не только для студентов и преподавателей высших учебных заведений, но и для всех, интересующихся историей мировой литературы.

Содержание

Введение	5
Глава I	7
Глава II	46
Глава III	98
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Б. Р. Мандель

Всемирная литература: Нобелевские лауреаты 1957-1980

Введение

Продолжаются 50-70 годы XX века... Холодная война в разгаре, идет борьба за космос, строятся гигантские баллистические ракеты... Россия постепенно сбрасывает с себя груз сталинизма, бредя маленькими шагами к новой демократии. Путь длинный, непростой, запутанный, с преградами, петлями, бедами народа... И все это – на фоне знаменательного полета Ю.Гагарина, возвращения из ссылок, появления книг, написанных давным-давно и теперь реабилитированных. А новые переводы? Да-да, к нам приходят книги из США и Франции, Германии и Великобритании. Мы открываем новый, удивительный мир литературы Европы, да и сами поражаем всех нашими, не менее чудесными, книгами, сделавшими их авторов Нобелевскими лауреатами...

И все же мир не так прост, и не изложить все, что происходило в годы, вынесенные нами в заглавие, в нескольких

словах предисловия, не перечислить все и всех, создававших этот новый мир культуры, литературы, искусства, мир изменившегося человечества, мир, так часто стоявший в эти годы на грани событий, предсказанных в Книге книг, на грани апокалипсиса...

Но человечество выдержало, выдержала Европа и США, выдержала наша Россия, пусть тогда она еще называлась по-другому, пусть это был коммунистический Советский Союз, но ведь это, прежде всего, были люди, люди, читающие и изучающие книги, люди, которых эти книги изменяли... Да, книги, которые изменяли мир! Мы будем снова говорить о них!

Глава I
Альбер Камю (Camus)
1957, Франция

Альбер Камю

Французский эссеист, писатель и драматург *Альбер Камю* (7 ноября 1913 года – 4 января 1960 года) родился в Мондови, в Алжире (с 30-х годов XIX века происходило довольно бурное заселение алжирского побережья французскими переселенцами, выходцами из Испании, Италии, Греции) в семье сельскохозяйственного рабочего Люсьена Камю, эльзасца по происхождению, который вскоре погиб в битве на Марне во время Первой мировой войны. Альберу было меньше года... Вскоре после этого у его матери, урожденной Катрин Синтес, малограмотной женщины, испанки по происхождению, случился удар, в результате которого она стала практически немой. Семья Камю переехала в Алжир, к бабушке и дяде-инвалиду, и, чтобы прокормить семью, Катрин вынуждена была пойти работать служанкой, прачкой. Старший брат Альбера, как это было обычным в рабочих семьях, рано начинает зарабатывать себе на хлеб.

Несмотря на необычайно тяжелое детство, Альбер не замкнулся в себе: он восхищается удивительной красотой североафриканского побережья, которая никак не вяжется с полной лишений жизнью мальчика. Детские впечатления на всю жизнь оставили глубокий след в душе Камю – человека и художника.

Большое влияние на Камю оказал его школьный учитель – Луи Жермен, который, распознав способности своего уче-

ника, оказывал ему всяческую поддержку. С помощью Жермена Альберу удалось в 1923 году поступить в лицей, где интерес к учебе сочетался у молодого человека со страстным увлечением спортом, особенно боксом. Французский лицей, подобно нашей дореволюционной гимназии, давал хорошую гуманитарную подготовку и право без экзамена поступать в университет. Учился Камю прекрасно, проблемы у него возникали, скорее, социально-психологического плана. На нищего стипендиата, выходца из Белькура, смотрели покровительственно все – и преподаватели, и соученики – потомки местной денежной аристократии. Стремление к справедливости, социальному равенству, так ярко позже проявившееся у Камю в зрелые годы, как видим, было результатом жизненного опыта. В лицее Камю вторично повезло с преподавателем: учителем класса философии был Жан Гренье, в будущем близкий друг Камю. Он способствовал пробуждению интереса к метафизике, литературе, театру.

Однако в 1930 году Камю заболел туберкулезом, что навсегда лишило его возможности заниматься спортом. Несмотря на болезнь, будущему писателю пришлось сменить немало профессий, чтобы платить за обучение на философском факультете Алжирского университета. Он успешно осваивает классические философские тексты, знакомится с современной философией. Ницше, Кьеркегор, Шестов, Ясперс входят в круг его чтения одновременно с Достоевским, Прустом, Жидом, Монтерланом, Мальро.

Здесь прошло несколько лет жизни А. Камю

В 1934 году Камю женился на Симоне Ие, оказавшейся морфинисткой. Вместе они прожили не больше года, а в 1939 году развелись официально.

После завершения работ о Блаженном Августине и греческом философе Плотине (его дипломная работа – «Христианская метафизика и неоплатонизм». Эта тема – соотношение христианской и языческой мысли – будет в дальнейшем составлять одну из важнейших сторон философствования Камю. По объему эта работа вполне соответствовала кандидатской диссертации в нынешнем ее понимании) Камю

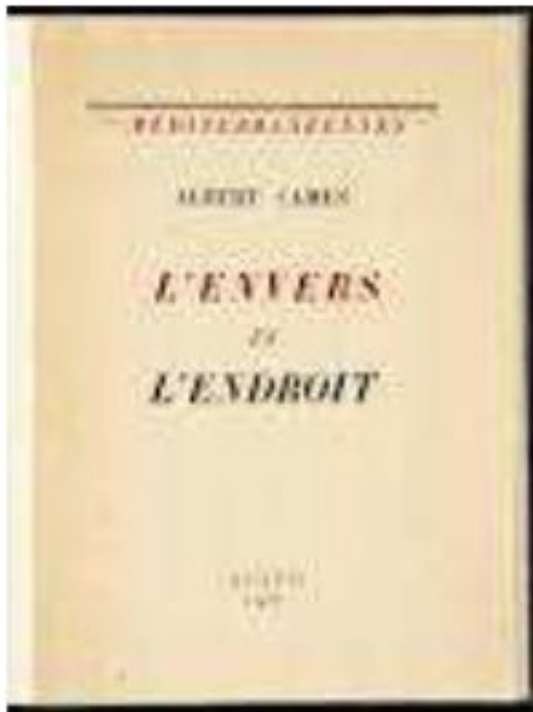
в 1936 году получает диплом магистра философии, однако академической карьере молодого ученого мешает очередная вспышка туберкулеза, и Камю в аспирантуре не остается.

На студенческие годы Камю приходится и его членство в коммунистической партии. Тогда во Французскую коммунистическую партию вступали совсем немногие интеллектуалы (или считающие себя таковыми) – ситуация, кстати, изменится во время Второй мировой, точнее, во время Сопротивления. Камю был одним из первых, кто прошел теперь уже ставший привычным путь: сначала вступление, объясняемое стремлением к социальной справедливости, желанием присоединиться к трудящимся массам. Затем разочарование, связанное либо с теми или иными событиями за пределами Франции (самыми заметными вехами были 1956, 1968 и 1979 годы), либо с «демократическим централизмом» в самой партии. Наконец, выход с хлопаньем дверьми, ставший одним из обязательных ритуалов. В 30-е годы подобных образцов еще не было, и Камю, после выхода из партии в 1937 году, продолжал вместе с коммунистами участвовать в различных мероприятиях (сбор средств для Испанской республики). Непосредственной причиной выхода были, вероятно, конъюнктурные и направляемые из Москвы перемены в пропаганде среди арабского населения, оказавшегося только пешкой в политической борьбе.

Однако в культурных мероприятиях для алжирских рабочих Камю принимал участие и после выхода из партии – пер-

вые его театральные опыты были связаны с труппой «Театр труда». Он играл в таких пьесах, как «Скованный Прометей» Эсхила, «На дне» М.Горького, «Каменный гость» А.С.Пушкина, «Братья Карамазовы» Достоевского.

Театр занимает в жизни Камю огромное место – он был талантливым актером, постановщиком, драматургом. В конце 30-х годов с театральной труппой «Экип» он объезжает весь Алжир, играет в небольших, неприспособленных залах, почти без декораций, роли в классических и современных пьесах, выполняет функции и режиссера, и работника сцены, и суфлера. Главная его роль в то время – роль Ивана в собственной постановке «Братьев Карамазовых». «Я играл его, быть может, плохо, но мне казалось, что понимаю я его в совершенстве», – вспоминал Камю.

Такая скромная первая книга...

Уйдя из университета, Камю в лечебных целях предпринимает путешествие во французские Альпы и впервые оказывается в Европе. Впечатления от путешествия по Италии, Испании, Чехословакии и Франции составили первую опубликованную книгу писателя «Изнанка и лицо» («L'Envers et l'endroit», 1937), сборник эссе, куда вошли также воспоми-

нения о матери, бабушке, дяде.

В 1936 году, кроме того, Камю приступает к работе над своим первым романом «Счастливая смерть» («La Mort heureuse»), который увидел свет только в 1971 году...

А.Камю в 40-х годы

Тем временем в Алжире Камю уже считался ведущим писателем и интеллектуалом. Театральную деятельность, как было сказано выше, он сочетает в эти годы с работой в газете «Республиканский Алжир» («Alger Republicain») в качестве политического репортера, книжного обозревателя и редак-

тора. Спустя год после выхода в свет второй книги писателя – «Бракосочетание» («Noces», 1938), Камю навсегда переезжает во Францию.

Во время немецкой оккупации Франции Альбер Камю принимает активное участие в движении Сопротивления, сотрудничает в подпольной газете «Битва» («Le Combat»), издававшейся в Париже. В подпольной прессе и печатаются его «Письма немецкому другу». Идеальным прикрытием для подпольной деятельности стало известное парижское издательство «Галлимар», сотрудником которого Камю был всю оставшуюся жизнь (здесь вышли основные его произведения).

Камю позже совсем не любил вспоминать времена Сопротивления, да и не был высокого мнения о своем в нем участии. Хотя в «маки» он не уходил, опасность была повседневной – в любой момент он мог быть схвачен и расстрелян, как его близкий друг – сотрудник газеты «Битва» Р. Лейно.

ALBERT CAMUS

L'ÉTRANGER

Обложка одного из первых изданий «Постороннего» А.Камю

24 августа 1944 года во время боев в Париже выходит первый, уже не подпольный номер газеты с передовицей Камю «Кровь свободы». В ней говорится о свершающейся революции: люди, годами сражавшиеся против оккупации и вишистского режима, уже не потерпят порядков Третьей республики, социальной несправедливости, эксплуатации. Битва идет «не за власть, а за справедливость, не за политику, но за мораль». Газета выходит с подзаголовком: «От Соппротивления к Революции». В передовице от 24 ноября того же года Камю пишет уже о социализме. Он не одинок – о революции, социализме говорят многие участники Соппротивления. Газета на время превращается в самую популярную во Франции, она становится своего рода символом Соппротивления. Передовицы Альбера Камю имели небывалый успех: настоящий, подлинный писатель комментировал события дня. Вся редакция состояла из интеллектуалов, вышедших из рядов Соппротивления и еще не возвратившихся к своим обычным делам... Но времена всеобщего энтузиазма быстро проходят. Союз социалистов, радикалов и коммунистов под руководством де Голля – это, очевидно, лишь временное состояние. Политическая борьба и «холодная война» раскалывают ряды участников Соппротивления. Все партии начинают выпускать свои газеты... «Битва» была обречена.

В дальнейшем Камю недолгое время работал в еженедельнике «Экспресс», но от журналистики, в основном, он уходит. Из публикаций в «Битве» наибольший интерес представляет цикл его статей 1946 года «Ни жертвы, ни палачи», в котором уже поднимаются многие философские и политические вопросы «Бунтующего человека».

Наряду с серьезной и чрезвычайно опасной подпольной и журналистской деятельностью, Камю работает над завершением повести «Посторонний» («L'Etranger», 1942), которую начал еще в Алжире и которая принесла ему впоследствии международную известность. Повесть представляет собой анализ отчужденности, бессмысленности человеческого существования. Герой повести – некий Мерсо, которому суждено было стать символом экзистенциального антигероя, отказывается придерживаться условностей буржуазной морали. За совершенное им «абсурдное», то есть лишенное каких-либо мотивов, убийство Мерсо приговаривается к смерти – и герой Камю умирает, ибо не разделяет общепринятых норм поведения. Сухой, отстраненный стиль повествования (который, по мнению некоторых критиков, роднит Камю с Хемингуэем) еще больше подчеркивает ужас происходящего.

За «Посторонним», имевшим огромный успех, последовало философское эссе «Миф о Сизифе» («Le Mythe de Sisyphe», 1942), где автор сравнивает абсурдность человеческого бытия с трудом мифического Сизифа, обреченным

вести постоянную борьбу против сил, с которыми не может справиться. Отвергая христианскую идею спасения и загробной жизни, которая придает смысл «сизифову труду» человека, Камю парадоксальным образом находит смысл в самой борьбе. Спасение, по мнению Камю, заключается в повседневной работе, смысл жизни – в деятельности. Одной из особенностей размышлений в «Мифе о Сизифе» и затем в «Бунтующем человеке» является актерское вхождение Камю в роль – Прометей, Дон Жуан, Иван Карамазов, «Завоеватель» или русский террорист-эсер – они пережиты «изнутри», прочувствованы, сыграны. Размышления об актерском принятии удела человеческого в «Мифе о Сизифе» прямо связаны с личным опытом писателя.

МИРОВАЯ КЛАССИКА

А. КАМЮ

Чума. Посторонний

После окончания войны Камю некоторое время продолжает работать в «Битве», которая теперь становится официальной ежедневной газетой. Однако политические разногласия между правыми и левыми вынудили Камю, считавшего себя независимым радикалом, в 1947 году покинуть газету. В том же году выходит третий роман писателя, «Чума» («La Peste»), история эпидемии чумы в алжирском городе Оране. В переносном смысле, однако, «Чума» – это нацистская оккупация Франции и, шире, символ смерти и зла.

Утром шестнадцатого апреля доктор Бернар Риэ, выйдя из квартиры, споткнулся на лестничной площадке одохлую крысу. Как-то не придав этому значения, он отшвырнул ее носком ботинка и спустился по лестнице. Но уже на улице он задал себе вопрос, откуда бы взяться крысе у него под дверью, и он вернулся сообщить об этом происшествии привратнику.

Реакция старого привратника мсье Мишеля лишь подчеркнула, сколь необычным был этот случай. Если доктору присутствие в их домедохлой крысы показалось только странным, то в глазах привратника это был настоящий позор.

Впрочем, мсье Мишель занял твердую позицию: в их домекрыс нет. И как ни уверял его доктор, что сам видел крысу на площадке второго этажа, и, по всей видимости,дохлую

крысу, мсье Мишель стоял на своем. Раз в доме крыс нет, значит, кто-нибудь подбросил ее нарочно. Короче, кто-то просто подшутил.

Вечером того же дня Бернар Риэ, прежде чем войти к себе, остановился на площадке и стал шарить по карманам ключи, как вдруг он заметил, что в дальнем, темном углу коридора показалась огромная крыса с мокрой шерсткой, двигавшаяся как-то боком. Грызун остановился, словно стараясь удержаться в равновесии, потом двинулся к доктору, снова остановился, перевернулся вокруг собственной оси и, слабо пискнув, упал на пол, причем из его мордочки брызнула кровь. С минуту доктор молча смотрел на крысу, потом вошел к себе.

Думал он не о крысе. При виде брызнувшей крови он снова вернулся мыслью к своим заботам. Жена его болела уже целый год и завтра должна была уехать в санаторий, расположенный в горах. Как он и просил уходя, она лежала в их спальне. Так она готовилась к завтрашнему утомительному путешествию. Она улыбнулась.

– А я чувствую себя прекрасно, – сказала она.

Доктор посмотрел на повернутое к нему лицо, на которое падал свет ночника. Лицо тридцатилетней женщины казалось Риэ таким же, каким было в дни первой молодости, возможно из-за этой улыбки, возмещавшей все, даже пометы тяжелого недуга.

– Постарайся, если можешь, заснуть, – сказал он. – В

одиннадцать придет сиделка, и я отвезу вас обоих на вокзал к двенадцатичасовому поезду. Он коснулся губами чуть влажного лба. Жена проводила его до дверей все с той же улыбкой.

Наутро, семнадцатого апреля, в восемь часов привратник остановил проходящего мимо доктора и пожаловался ему, что какие-то злые шутники подбросили в коридор трехдохлых крыс. Должно быть, их захлопнула особенно мощная крысоловка, потому что они все были в крови. Привратник еще с минуту постоял в дверях, держа крыс за лапки, он, видимо, ожидал, что злоумышленники выдадут себя какими-нибудь ядовитыми шутками. Но ровно ничего не произошло.

— Ладно, погодите, — пообещал мсье Мишель, — я их непременно поймаю. Заинтригованный этим происшествием, Риэ решил начать визиты с внешних кварталов, где жили самые бедные его пациенты. Мусор оттуда вывозили обычно много позже, чем из центра города, и автомобиль, кативший по прямым и пыльным улицам, чуть не задевал своими боками стоявшие на краю тротуара ящики с отбросами. Только на одной из улиц, по которой ехал доктор, он насчитал с десятковдохлых крыс, валявшихся на грудах очистков и грязного тряпья.

Первого больного, к которому он заглянул, он застал в постели в комнате, выходившей окнами в переулок, которая служила и спальней и столовой.

Больной был старик испанец с грубым изможденным лицом. Перед ним на одеяле стояли две кастрюльки с горошком. Когда доктор входил, больной, полусидевший в постели, откинулся на подушки, стараясь справиться с хриплым дыханием, выдававшим застарелую астму. Жена принесла тазик.

— А вы видели, доктор, как они лезут, а? — спросил старик, пока Риэ делал ему укол.

— Верно, — подтвердила жена, — наш сосед трех подобрал. Старик потер руки.

— Лезут, во всех помойках их полно! Это к голоду!

Риэ понял, что о крысах говорит уже весь квартал. Закончив с визитами, доктор возвратился домой.

— Вам телеграмма пришла, — сказал мсье Мишель. Доктор осведомился, не видал ли он еще крыс.

— Э-э, нет, — ответил привратник. — Я теперь в оба гляжу, сами понимаете. Ни один мерзавец не сунется.

Телеграмма сообщала, что завтра прибывает мать Риэ. В отсутствие больной жены дом будет вести она. Доктор вошел к себе в квартиру, где уже ждала сиделка. Жена была на ногах, она надела строгий английский костюм, чуть подкрасилась. Он улыбнулся ей.

— Вот и хорошо, — сказал он, — очень хорошо.

На вокзале он посадил ее в спальный вагон. Она оглядела купе.

— Пожалуй, слишком для нас дорого, а? — Так надо, — от-

ветил Риэ.

– А что это за история с крысами?

– Сам еще не знаю. Вообще-то странно, но все обойдется. И тут он, комкая слова, попросил у нее прощения за то, что недостаточно заботился о ней, часто бывал невнимателен. Она покачала головой, словно умоляя его замолчать, но он все-таки добавил:

– Когда ты вернешься, все будет по-другому. Начнем все сначала.

– Да, – сказала она, и глаза ее заблестели. – Начнем.

Она повернулась к нему спиной и стала смотреть в окно. На перроне суетились и толкались пассажиры. Даже в купе до- ходило приглушенное пыхтение паровоза. Он окликнул жену, и, когда она обернулась, доктор увидел мокрое от слез лицо.

– Не надо, – нежно проговорил он.

В глазах ее еще стояли слезы, но она снова улыбнулась, вернее, чуть скривила губы. Потом прерывисто вздохнула.

– Ну, иди, все будет хорошо.

Он обнял ее и теперь, стоя на перроне по ту сторону вагонного окна, видел только ее улыбку.

– Прошу тебя, – сказал он, – береги себя. Но она уже не могла расслышать его слов

При выходе на вокзальную площадь Риэ заметил господина Отона, следователя, который вел за ручку своего сынишку. Доктор осведомился, не уезжает ли он. Господин Отон,

длинный и черный, похожий на человека светского, как некогда выражались, и одновременно на факельщика из похоронного бюро, ответил любезно, но немногословно:

– Я встречаю мадам Отон, она ездила навестить моих родных. Засвистел паровоз.

– Крысы... – начал следователь.

Риэ шагнул было в сторону поезда, но потом снова повернул к выходу.

– Да, но это ничего, – проговорил он.

Все, что удержала его память от этой минуты, был железнодорожник, несший ящик сдохлыми крысами, прижимая его к боку. В тот же день после обеда, еще до начала вечернего приема, Риэ принял молодого человека – ему уже сообщили, что это журналист и что он заходил утром.

Звался он Раймон Рамбер. Невысокий, широкоплечий, с решительным лицом, светлыми умными глазами, Рамбер, носивший костюм спортивного покроя, производил впечатление человека, находящегося в ладах с жизнью. Он сразу же приступил к делу. Явился он от большой парижской газеты взять у доктора интервью по поводу условий жизни арабов и хотел бы также получить материалы о санитарном состоянии коренного населения. Риэ сказал, что состояние не из блестящих. Но он пожелал узнать, прежде чем продолжать беседу, может ли журналист написать правду.

– Ну, ясно, – ответил журналист.

– Я имею в виду, будет ли ваше обвинение безоговороч-

ным? – Безоговорочным, скажу откровенно, – нет. Но хочу надеяться, что для такого обвинения нет достаточных оснований.

Из иллюстраций Д. Шамякиной к «Чуме»

Очень мягко Риз сказал, что, пожалуй, и впрямь для подобного обвинения оснований нет; задавая этот вопрос, он преследовал лишь одну цель – ему хотелось узнать, может ли Рамбер свидетельствовать, ничего не смягчая.

– Я признаю только свидетельства, которые ничего не смягчают. И поэтому не считаю нужным подкреплять ваше свидетельство данными, которыми располагаю.

– Язык, достойный Сен-Жюста, – улыбнулся журналист. Не повышая тона, Риэ сказал, что в этом он ничего не смыслит, а говорит он просто языком человека, уставшего жить в нашем мире, но, однако, чувствующего влечение к себе подобным и решившего для себя лично не мириться со всяческой несправедливостью и компромиссами. Рамбер, втянув голову в плечи, поглядывал на него.

– Думаю, что я вас понял, – проговорил он не сразу и поднялся.

Доктор проводил его до дверей.

– Спасибо, что вы так смотрите на вещи. Рамбер нетерпеливо повел плечом.

– Понимаю, – сказал он, – простите за беспокойство.

Доктор пожал ему руку и сказал, что можно было бы сделать любопытный репортаж о грызунах: повсюду в городе валяются десяткидохлых крыс.

– Ого! – воскликнул Рамбер. – Действительно интересно! В семнадцать часов, когда доктор снова отправился с визитами, он встретил на лестнице довольно еще молодого человека, тяжеловесного, с большим, массивным, но худым лицом, на котором резко выделялись густые брови. Доктор изредка встречал его у испанских танцовщиков, живших в их подъезде на самом верхнем этаже. Жан Тарру сосредото-

точенно сосал сигарету, глядя на крысу, которая корчилась в агонии на ступеньке у самых его ног. Тарру поднял на доктора спокойный, пристальный взгляд серых глаз, поздоровался и добавил, что все-таки нашествие крыс – любопытная штука.

– Да, – согласился Риэ, – но, в конце концов, это начинает раздражать.

– Разве что только с одной точки зрения, доктор, только с одной. Просто мы никогда ничего подобного не видели, вот и все. Но я считаю этот факт интересным, да-да, весьма интересным. Тарру провел ладонью по волосам, отбросил их назад, снова поглядел на переставшую корчиться крысу и улыбнулся Риэ.

– Вообще-то говоря, доктор, это уж забота привратника. Доктор как раз обнаружил привратника у их подъезда, он стоял, прислонясь к стене, и его обычно багровое лицо выражало усталость.

– Да, знаю, – ответил старик Мишель, когда доктор сообщил ему о новой находке. – Теперь их сразу по две, по три находят. И в других домах то же самое.

Вид у него был озабоченный, пришибленный. Машинальным жестом он тер себе шею.

Риэ осведомился о его самочувствии. Нельзя сказать, чтобы он окончательно расклеился. А все-таки как-то ему не по себе. Очевидно, это его заботы точат. Совсем сбили с панталыку эти крысы, а вот когда они уберутся прочь,

ему сразу полегчает.

Но на следующее утро, восемнадцатого апреля, доктор, ездивший на вокзал встречать мать, заметил, что мсье Мишель еще больше осунулся: теперь уж с десятков крыс карабкались по лестницам, видимо, перебирались из подвала на чердак.

В соседних домах все баки для мусора полны дохлых крыс. Мать доктора выслушала эту весть, не выказав ни малейшего удивления.

— Такие вещи случаются.

Была она маленькая, с серебристой сединой в волосах, с кроткими черными глазами.

— Я счастлива повидать тебя, Бернар, — твердила она. — И никакие крысы нам не мешают.

Сын кивнул: и впрямь с ней всегда все казалось легким. Все же Риэ позвонил в городское бюро дератизации, он был лично знаком с директором. Слышал ли директор разговоры о том, что огромное количество крыс вышли из нор и подымают?

Мерсье, директор, слышал об этом, и даже в их конторе, расположенной неподалеку от набережной, обнаружено с полсотни грызунов.

Ему хотелось знать, насколько положение серьезно. Риэ не мог решить этот вопрос, но он считал, что контора обязана принять меры.

— Конечно, — сказал Мерсье, — но только когда получим

распоряжение. Если ты считаешь, что дело стоит труда, я могу попытаться получить соответствующее распоряжение.

– Все всегда стоит труда, – ответил Риэ.

Их служанка только что сообщила ему, что на крупном заводе, где работает ее муж, подобрали несколько сотендохлых крыс. Во всяком случае, примерно в это же время наши сограждане стали проявлять первые признаки беспокойства. Ибо с восемнадцатого числа и в самом деле на всех заводах и складах ежедневно обнаруживали сотни крысиных трупиков.

В тех случаях, когда агония затягивалась, приходилось грызунов приканчивать. От окраин до центра города, словом везде, где побывал доктор Риэ, везде, где собирались наши сограждане, крысы будто бы поджидали их, густо набившись в мусорные ящики или же вытянувшись длинной цепочкой в сточных канавах. С этого же дня за дело взялись вечерние газеты и в упор поставили перед муниципалитетом вопрос – намерен или нет он действовать и какие срочные меры собирается принять, дабы оградить своих подопечных от этого омерзительного нашествия. Муниципалитет ровно ничего не намеревался делать и ровно никаких мер не предпринимал, а ограничился тем, что собрался с целью обсудить положение. Службе дератизации был отдан приказ: каждое утро на рассвете подбиратьдохлых крыс. А потом оба конторских грузовика должны были отвезти

трупы животных на мусоросжигательную станцию для сожжения.

Но в последующие дни положение ухудшилось. Число дохлых грызунов все возрастало, и каждое утро работники конторы собирали еще более обильную, чем накануне, жатву. На четвертый день крысы стали группами выходить на свет и околевали кучно. Из всех сараев, подвалов, погребов, сточных канав вылезали они длинными расслабленными шеренгами, неверными шажками выбирались на свет, чтобы, покружившись вокруг собственной оси, подойти поближе к человеку.

Ночью в переулках, на лестничных клетках был отчетливо слышен их короткий предсмертный писк. Утром в предместьях города их обнаруживали в сточных канавах с венчиком крови на остренькой мордочке – одни раздутые, уже разложившиеся, другие окоченевшие, с еще воинственно взъерошенными усами. Даже в центре города можно было наткнуться на трупы грызунов, валявшихся кучками на лестничных площадках или во дворах.

А некоторые одиночные экземпляры забирались в вестибюли казенных зданий, на школьные дворики, иной раз даже на террасы кафе, где и подыхали. Наши сограждане с удивлением находили их в самых людных местах города.

Порой эта мерзость попадалась на Оружейной площади, на бульварах, на Приморском променаде. На заре город очищали от падали, но в течение дня крысиные трупы накап-

ливались вновь и вновь во все возрастающем количестве. Бывало не раз, что ночной прохожий случайно с размаху наступал на пружинящий под ногой еще свежий трупик. Казалось, будто сама земля, на которой были построены наши дома, очищалась от скопившейся в ее недрах скверны, будто оттуда изливалась наружу сукровица и взбухали язвы, разъедавшие землю изнутри. Вообразите же, как опешил наш доселе мирный городок, как потрясли его эти несколько дней; так здоровый человек вдруг обнаруживает, что его до поры до времени неспешно текущая в жилах кровь внезапно взбунтовалась.

(«Чума», перевод Н.Жарковой)

Теме универсального зла посвящена и пьеса «Калигула» («Caligula», 1945), лучшая, по единодушному мнению критиков, пьеса писателя. «Калигула», в основу которой легла книга Светония «Жизнь двенадцати цезарей», считается значительной вехой в истории театра абсурда.

«Калигула» А.Камю в Театре наций.

Будучи одной из ведущих фигур в послевоенной французской литературе, Камю в это время близко сходится с Жаном-Полем Сартром. Вместе с тем пути преодоления абсурдности бытия у Сартра и Камю не совпадают, и в начале 50-х годов в результате серьезных идеологических расхождений Камю порывает с Сартром и с экзистенциализмом¹, вождем

¹ Экзистенциализм (от позднелат. *exsistentia* – существование), группа учений, которые отрицают объективные всеобщие ценности и считают, что личность сама должна вырабатывать ценности в своей деятельности, путём полного проживания каждого момента бытия. Возник в начале XX века в России, после Первой мировой войны – в Германии, в период Второй мировой войны – во Франции, а после войны – в других странах. Идейные истоки – учение С. Кьеркегора, фило-

которого тот считался.

В «Бунтующем человеке» («L'Homme revolte», 1951) Камю рассматривает теорию и практику протеста против власти на протяжении столетий, критикуя диктаторские идеологии, в том числе коммунизм и прочие формы тоталитаризма, которые посягают на свободу и, следовательно, на достоинство человека. Хотя еще в 1945 году Камю говорил, что у него «...слишком мало точек соприкосновения с модной теперь философией экзистенциализма, выводы которой ложны», именно отрицание марксизма привело к разрыву Камю с про- марксистски настроенным Сартром.

В 50-е годы Камю продолжает писать эссе, пьесы, прозу.

В 1953 Камю возвращается к театральной деятельности: ставит спектакли по собственным инсценировкам, в том числе «Бесы» Ф. Достоевского (1954), «Реквием по монахине» (1956) У. Фолкнера. Камю готовится возглавить субсидируемый государством экспериментальный театр.

В 1956 году писатель выпускает ироническую повесть «Падение» («La Chute»), в которой раскаявшийся судья

софия жизни, феноменология, творчество Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше. Главные представители: Н.А. Бердяев, М. Бубер, А. Камю, Г. Марсель, Ж.П. Сартр, М. Хайдеггер, Л. Шестов, К. Ясперс. Центральное понятие – экзистенция (человеческое существование); основные проявления человеческого существования – забота, страх, решимость, совесть; человек воспринимает экзистенцию как корень своего сущства в пограничных ситуациях (борьба, страдание, смерть). Постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающий на него ответственность за все происходящее в мире.

Жан-Батист Кламанс признается в своих преступлениях против морали. Обращаясь к теме вины и раскаяния, Камю в «Падении» широко пользуется христианской символикой.

Памятная Нобелевская медаль А.Камю

Из публицистики 50-х годов стоит выделить «Размышле-

ния о гильотине» – страстный призыв отменить смертную казнь.

В 1957 году Камю был награжден Нобелевской премией **«за огромный вклад в литературу, высветивший значение человеческой совести»**. Вручая французскому писателю премию, А.Эстерлинг, представитель Шведской академии, отметил, что «философские взгляды Камю родились в остром противоречии между приятием земного существования и осознанием реальности смерти». В ответной речи Камю сказал, что его творчество зиждется на стремлении «избежать откровенной лжи и противостоять угнетению».

А
Л
Б
Е
Р
К
А
М
И
Ю
П
А
Д
Е
Н
И
Е

Альбер
КАМИЮ

ПАДЕНИЕ

Одно из последних изданий в России книги А. Камю

Десятилетие перед смертью было действительно чрезвычайно плодотворным, взгляните еще раз:

1948 – пьеса «Осадное положение»;

1949 – пьеса «Праведники»;

1950 – первая книга «Злободневных заметок»;

1951- выход в свет «Человека бунтующего»;

1953 – вторая книга «Злободневных заметок»;

1954 – книга лирических эссе «Лето»;

1956 – повесть «Падение»;

1957- сборник рассказов «Изгнание и царство».

«Шведские речи». «Размышления о гильотине»;

1958 – третья книга «Злободневных заметок»...

Когда Камю получил Нобелевскую премию, ему было всего 44 года, и он, по его собственным словам, достиг творческой зрелости. У писателя были обширные творческие планы, о чем свидетельствуют записи в блокнотах и воспоминания друзей. Однако планам этим не суждено было сбыться: в начале 1960 года писатель погиб в автомобильной катастрофе на юге Франции (Камю принимает приглашение своего друга и издателя М. Галлимара-младшего вернуться в Париж не поездом, а на автомобиле. Сошедшая с дороги машина врезалась в дерево, Камю погиб. Роман «Первый человек» был только начат, посмертно были изданы записные книжки и юношеский роман «Счастливая смерть»)...

Но Камю вновь возвращается к читателю в конце XX века – в 1994 году выходит роман «Первый человек», подготовленный к публикации дочерью писателя Катрин Камю по черновику, найденному в дорожной сумке на заднем сиденье того самого автомобиля...

Хотя творчество Камю вызвало после его смерти оживленные споры, многие считают его одной из наиболее значительных фигур своего времени. Камю показал отчужденность и разочарованность послевоенного поколения, однако упорно искал выход из абсурдности современного существования. Писатель подвергался резкой критике за отказ от марксизма и христианства, но, тем не менее, его влияние на современную литературу сомнению не подлежит. В некрологе, напечатанном в итальянской газете «Вечерний курьер» («Corriere della sera»), итальянский поэт Эудженио Монтале писал, что «...нигилизм Камю не исключает надежды, не освобождает человека от решения сложной проблемы: как жить и умереть достойно».

Памятник А.Камю в Париже на улице Альбера Камю

По мнению американской исследовательницы и замечательной, известной писательницы Сюзан Зонтаг, «проза Камю посвящена не столько его героям, сколько проблемам вины и невиновности, ответственности и нигилистического безразличия». Полагая, что творчество Камю не «отличается ни высоким искусством, ни глубиной мысли», Зонтаг заявляет, что «...его произведения отличаются красотой совершенно иного рода, красотой нравственной». Ряд исследова-

телей литературы вполне обоснованно считали Камю «моралистом, сумевшим поднять этические проблемы до философских»...

Место последнего упокоения А.Камю. Воклюз. Франция

Сам Альбер Камю неоднократно повторял, что он не является философом. Профессиональным мыслителем он, действительно, и не был, хотя получил философское образование и вполне мог бы стать профессором в каком-нибудь университете (этому, однако, как мы помним, помешала бо-

лезнь). Вряд ли от этого выиграли бы не только миллионы читателей его романов, но и сами философы – последние неоднократно указывали на отсутствие точных определений, понятийного анализа в работах Камю, на нередкие неточности в реконструкции воззрений мыслителей прошлого. Но любому академическому философу понятна оригинальность мышления Камю, не логическая, а интуитивная, эмоциональная, если так можно выразиться, точность его рассуждений. Конечно, философия, изложенная, по большей части, в романах и пьесах, предоставляет возможность для самых разнообразных трактовок, и Камю стал излюбленным, культовым, в какой-то степени, объектом литературоведческих и историко-философских диссертаций – поток их и на Западе, и в нынешней России не иссякает. Для европейцев 40-50-х годов Камю был одним из классиков экзистенциализма, его неизменно объединяли с Сартром, несмотря на вполне заметные различия даже в ранних философских произведениях и очевидные разногласия по политическим и философским вопросам в 50-е годы. Да, Камю пришлось пройти достаточно сложный путь для преодоления нигилистических, как их порой называют, последствий экзистенциализма...

«Калигула» А.Камю в 2007 году в Московском Ленкоме.
В главной роли Константин Хабенский

Надо отметить, что в нашей стране книги А.Камю стали известны довольно рано – причиной тому были, видимо,

некоторое время провозглашавшиеся и открыто демонстрируемые Камю симпатии к Советскому Союзу и общий процесс потепления, начавшийся у нас в 1956 году. Однако тиражи его книг не позволяли им стать широко доступными – произведения А.Камю было невозможно «достать» – люди, читавшие романы Камю, явно выделялись в обществе, на них смотрели, как на особо отмеченных, сверхинтеллектуальных...

Сегодня Камю издается достаточно широко, его пьесы идут на сценах многих российских театров и на телевидении, философские трактаты рассматриваются в ходе изучения истории мировой философии. Но стал ли он ближе, многие ли понимают сокровенный смысл его произведений, не остался ли Камю просто модным писателем и мыслителем... Трудно ответить на этот вопрос – чтение книг Камю – дело совсем не легкое...

Глава II
Борис Леонидович Пастернак
1958, Россия

Борис Пастернак

Выдающийся российский поэт и прозаик *Борис Леонидович Пастернак* (10 февраля 1899 года – 30 мая 1960 года) родился в очень образованной, известной в Москве еврейской семье. Отец поэта, Леонид Пастернак, был академиком живописи, преподавателем Училища живописи, ваяния и зодчества, специализировался на портретной живописи, писал портреты многих известных людей, в том числе и Толстого. Мать поэта, урожденная Роза Кауфман, известная пианистка, отказалась от карьеры музыканта, чтобы воспитывать детей: Бориса, его брата и двух сестер. Несмотря на довольно скромный достаток, семья Пастернаков вращалась в высших художественных кругах дореволюционной России, в их доме бывали Рахманинов, Скрябин, Райнер Мария Рильке и Толстой, о котором спустя много лет Пастернак сказал: «Его образ прошел через всю мою жизнь».

Л.О.Пастернак. Борис и его брат Александр в матросских костюмах. 1902 год. Музей Л.Пастернака. Лондон. Великобритания

Творчество Скрябина повлияло на решение Пастернака поступить в Московскую консерваторию, где он изучал теорию композиции, однако талантливому юноше для успешных занятий не хватило абсолютного слуха. В 1910 году он отказывается от мысли стать музыкантом, увлекается философией и религией, особенно Новым заветом в интерпретации своей набожной православной няни и Л.Н.Толстого, и, проучившись некоторое время на историко-философском факультете Московского университета, в возрасте 23 лет

едет в Германию, в Марбургский университет, где в течение летнего семестра занимается у профессора Германа Когена, главы марбургской неокантианской школы. Впрочем, увлечение философией оказалось недолгим: встретив русскую девушку, Иду Высоцкую, в которую он давно был влюблен, Пастернак вспомнил о родине, уговорил себя, что от природы он скорее лирик, чем логик, и, совершив короткую поездку по Италии, зимой 1913 года вернулся в Москву. «Прощай, философия» – эти слова из автобиографической повести Пастернака «Охранная грамота» (1931) теперь значатся на мемориальной доске дома в Марбурге, где некогда проживал безвестный студент, ставший всемирно почитаемым классиком...

Б.Пастернак, С.Эйзенштейн, Л.и Э. Брик, В.Маяковский

«Я основательно занялся стихописанием. Днем и ночью

и когда придется я писал о море, о рассвете, о летнем доме...» («Охранная грамота»).

По возвращении в Москву Пастернак устанавливает связи с видными представителями символизма и футуризма, знакомится с Владимиром Маяковским, одним из ведущих поэтов-футуристов, ставшим другом и литературным соперником Пастернака. Хотя музыка, философия и религия не утратили для Пастернака своей важности, он понимал, что истинное его предназначение – это поэзия, и летом 1913 года, после сдачи университетских экзаменов, завершает и выпускает первую книгу стихов – «Близнец в тучах» (1914) – тиражом 200 экземпляров (за густоту насыщения ассоциативными образами и парадоксальными метафорами поэта обвинили в «нерусской лексике»), а через три года – вторую, «Поверх барьеров». Книги эти вобрали в себя и его страсть к музыке, и интерес к философии.

В стихотворении, посвященном Пастернаку, А. Ахматова писала: «Он награжден каким-то вечным детством».

«Вечное детство» составляло, вероятно, самую суть поэтической личности Пастернака. Широко раскрытыми глазами он смотрел на мир, не уставая удивляться ему, восхищаться его чудесным разнообразием.

На первых порах своей поэтической деятельности Пастернак писал изысканные стихи для узкого круга ценителей. Перелом произошел в 20-е годы, когда поэт обратился к социальным проблемам. Идиллическая атмосфера его жизни в

России накануне первой мировой войны передана позже в «Повести» (1929), где с очевидностью обнаруживается родство прозы и стихотворной лирики Пастернака.

Еще в детстве Пастернак повредил ногу, упав с лошади, и, когда началась война, в армию не попал, однако, чтобы принять посильное участие в войне, устроился конторщиком на уральский военный завод, что впоследствии описал в романе «Доктор Живаго».

Л.О.Пастернак. Портрет сына. 1921 год

В 1917 году Пастернак возвращается в Москву. Атмосфера революционных перемен нашла свое отражение в книге стихотворений «Сестра моя жизнь», опубликованной пятью годами позже, а также в «Темах и вариациях» (1923), выдвинувших его в первый ряд поэтов России. Поэтесса Марина Цветаева, страстная почитательница Пастернака, назвала его поэзию «световым ливнем», «сквозняком», «разгадкой», а сам Пастернак в романе в стихах «Спекторский» (о судьбе русского интеллигента, «которого должно вернуть истории», 1931, начат в 1925) писал: «Поэзия, не поступайся ширию. Храни живую точность: точность тайн».

З.Нейгауз. Жена Б.Пастернака. Мать его сына Евгения

Поскольку Пастернак не имел обыкновения распространяться о своей жизни и был склонен с большой осмотритель-

ностью описывать те события, очевидцем которых становился. Подробности его бытия после революции весьма отрывочны и известны в основном из переписки с друзьями на Западе и двух книг: «Охранная грамота» (1931) и «Люди и положения. Автобиографический очерк» (1956-1957). Подобно многим поэтам и писателям его поколения, в первые дни революции Пастернак некоторое время работал в библиотеке Народного комиссариата просвещения.

Хотя в 1921 году его родители с дочерьми эмигрировали в Германию, а после прихода к власти Гитлера переехали в Англию, Пастернак и его брат Александр остались в Москве. Вскоре после отъезда родителей Пастернак женился на художнице Евгении Лурье, у них родился сын, а в 1931 году развелся с ней и женился на Зинаиде Николаевне Нейгауз, от брака с которой у него был еще один сын.

Большую часть жизни Пастернак жил в Переделкине, дачном поселке писателей под Москвой.

В 20-е годы Пастернак пишет две историко-революционные поэмы – «Девятьсот пятый год» (1925-1926) и «Лейтенант Шмидт» (1926-1927), одобрительно встреченные критикой, и в 1934 году на Первом съезде писателей о нем говорят как о ведущем советском современном поэте. Н. Бухарин даже противопоставил поэзию Пастернака поэзии Маяковского как «отжившей агитке»...

Суть этого любопытного процесса в творчестве Бориса Леонидовича хорошо охарактеризовал М. Горький в пись-

ме к поэту после знакомства с его поэмой «Девятьсот пятый год»: «Книга – отличная; книга из тех... которым суждена долгая жизнь. Не скрою от вас: до этой книги я всегда читал стихи ваши с некоторым напряжением, ибо – слишком чрезмерна их насыщенность образностью и не всегда образы эти ясны для меня... В «905 г.» Вы скупее и проще, Вы классичнее в этой книге, насыщенной пафосом, который меня, читателя, быстро, легко и мощно заражает».

Дальнейшее поэтическое развитие Пастернака, шло именно по пути, названному Горьким – он становился «скупее, проще, классичнее»...

Б.Пастернак на рисунке Ю.Анненского. 1917 год

В 1929 году Борис Пастернак он публикует уже упомянутую нами «Повесть» с одноименным героем стихотворного романа («Спекторский»), которую считал первой частью будущей эпопеи и замысел которой восходил еще к 1918 году. В промежутках он опубликовал несколько прозаических произведений: «Аппелесова черта» (1918), «Письма из Тулы» (1922), «Детство Люверс» (1922), «Воздушные пути» (1924).

Однако проза Пастернака, опубликованная при его жизни, не вызвала признания современников. Зато его лирика обретала все большую известность.

Однако похвалы в его адрес вскоре сменяются резкой критикой из-за нежелания поэта ограничиваться в своем творчестве пролетарской тематикой. Во время политических процессов 30-х годов, организованных по указанию Сталина, Пастернак отказывается верить в виновность крупных советских военачальников, хотя прекрасно знает, чем это ему грозит... «Он слышал звуки, неуловимые для других, – писал в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург, – слышал, как бьется сердце и как растет трава, но поступи века так и не расслышал...». Об этом свидетельствует и телефонный разговор Пастернака со Сталиным в мае 1934 года. Пастернак пытался защитить арестованного Мандельштама, а заодно поговорить с вождем о жизни и смерти, но

Сталин оборвал поэта-философа: «А вести с тобой посторонние разговоры мне незачем»...

В результате с 1936 по 1943 год поэту не удалось издать ни одной книги, но, благодаря осмотрительному поведению, он спасся от ссылки и смерти, которых не избежали многие его современники.

Получивший воспитание в европейски образованной среде, Пастернак говорил на нескольких языках и в 30-е годы, лишившись заработка, переводил на русский язык классиков английской, немецкой и французской поэзии. Его переводы трагедий Шекспира считаются лучшими на русском языке. Переводил Пастернак и горячо любимых им грузинских поэтов, вовсе не желая при этом угодить Сталину – грузину по национальности. В начале Великой Отечественной войны, когда немецкие войска приближались к Москве, Пастернак был эвакуирован в Чистополь, на реке Каме. В это время он пишет патриотические стихи (в первые месяцы военных сражений – «Страшная сказка», «Бобыль», «Застава», в дальнейшем – «Смерть сапера», «Победитель» и другие) и просит советское правительство отправить его на фронт в качестве военного корреспондента, на что, в конце концов, получает разрешение (в августе 1943 года с бригадой писателей уезжает на Брянский фронт).

В 1943 году вышла первая за последние 8 лет книга Пастернака – «На ранних поездках», поэтический сборник, состоящий всего из 26 стихотворений, который был быстро

раскуплен, а в 1945 году – второй, «Земной простор», а в 1946 году были переизданы ранние стихи поэта.

*Ослепляя блеском,
Вечерело в семь.
С улиц к занавескам
Подступала темь.
Люди – манекены,
Только страсть с тоской
Водит по Вселенной
Шарящей рукой.
Сердце под ладонью
Дрожью выдает
Бегство и погоню,
Трепет и полет.
Чувству на свободе
Вольно налегке,
Точно рвет поводья
Лошадь в мундишке.*

(«Нежность»)

КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Борис
ПАСТЕРНАК

— РОМАНИ

Доктор Живаго

Одно из изданий романа Пастернака в России

В 1948 году был уничтожен весь тираж подготовленного сборника «Избранное»...

Несмотря ни на что, в 40-е годы, продолжая поэтическую деятельность и занимаясь переводами, Пастернак обдумывает план романа, «книгу жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать», и после войны, уединившись в Переделкине, начинает работу над «Доктором Живаго» (предварительное название – «Мальчики и девочки»), историей жизни Юрия Андреевича Живаго, врача и поэта, детство которого приходится на начало века и который становится свидетелем и участником Первой мировой войны, революции, гражданской войны, начала сталинской эпохи. Человек думающий, наделенный художественным темпераментом и философским взглядом на мир, Живаго не имел ничего общего с ортодоксальным героем советской литературы. Несмотря на то, что персонажи книги придерживаются разных жизненных установок, всем им равно чужды марксистско-ленинские взгляды. В романе дается широкая панорама дореволюционной и революционной России. Знаменательно, что фамилия героя происходит от слова «живой», «жизнь».

В то время, когда над страной разражается революционная буря, Живаго обретает идиллический покой в трепетной

любви к Ларе, бывшей возлюбленной продажного дельца-адвоката и жены революционера-фанатика. По лирико-эпическому настрою, по выразительности психологических характеристик, по интересу к духовному миру человека перед лицом опасности «Доктор Живаго» имеет немало общего с «Войной и миром» Л.Н.Толстого.

Война с Японией еще не кончилась. Неожиданно ее заслонили другие события. По России прокатывались волны революции, одна другой выше и невиданней.

В это время в Москву с Урала приехала вдова инженера-бельгийца и сама обрусевшая французженка Амалия Карловна Гишар с двумя детьми, сыном Родионом и дочерью Ларисою.

Сына она отдала в кадетский корпус, а дочь в женскую гимназию, по случайности ту самую и тот же самый класс, в которых училась Надя Кологривова.

FROM THE MOST ACCLAIMED NOVEL OF OUR TIME!

METRO-GOLDWYN-MAYER presents A CARLO PONTI PRODUCTION
DAVID LEAN'S FILM
OF BORIS PASTERNAK'S

DOCTOR ZHIVAGO

Directed by DAVID LEAN • Screenplay by ROBERT BOLT • "PANAVISION" • METROCOLOR

Афиша американской экранизации романа Б.Пастернака 1965 года

У мадам Гишар были от мужа сбережения в бумагах, которые раньше поднимались, а теперь стали падать. Чтобы приостановить таяние своих средств и не сидеть сложа руки, мадам Гишар купила небольшое дело, швейную мастерскую Левицкой близ Триумфальных ворот у наследников портнихи, с правом сохранения старой фирмы, с кругом ее прежних заказчиц и всеми модистками и ученицами.

Мадам Гишар сделала это по совету адвоката Комаровского, друга своего мужа и своей собственной опоры, хладнокровного дельца, знавшего деловую жизнь в России как свои пять пальцев.

С ним она списалась насчет переезда, он встречал их на вокзале, он повез через всю Москву в меблированные комнаты «Черногория» в Оружейном переулке, где снял для них номер, он же уговорил отдать Родю в корпус, а Лару в гимназию, которую он порекомендовал, и он же невнимательно шутил с мальчиком и заглядывался на девочку так, что она краснела.

Перед тем как переселиться в небольшую квартиру в три комнаты, находившуюся при мастерской, они около месяца прожили в «Черногории».

Это были самые ужасные места Москвы, лихачи и притоны, целые улицы, отданные разврату, трущобы «погиб-

ших созданий».

Кадр из фильма Д.Лина «Доктор Живаго» (1965). В роли Юрия О.Шариф

Детей не удивляла грязь в номерах, клопы, убожество меблировки. После смерти отца мать жила в вечном страхе обнищания. Родя и Лара привыкли слышать, что они на краю гибели. Они понимали, что они не дети улицы, но в них глубоко сидела робость перед богатыми, как у питомцев си-

ротских домов.

Живой пример этого страха подавала им мать. Амалия Карловна была полная блондинка лет тридцати пяти, у которой сердечные припадки сменялись припадками глупости. Она была страшная трусиха и смертельно боялась мужчин. Именно поэтому она с перепугу и от растерянности все время попадала к ним из объятия в объятие.

В «Черногории» они занимали двадцать третий номер, а в двадцать четвертом со дня основания номеров жил виолончелист Тышкевич, потливый и лысый добряк в паричке, который молитвенно складывал руки и прижимал их к груди, когда убеждал кого-нибудь, и закидывал голову назад и вдохновенно закатывал глаза, играя в обществе и выступая на концертах. Он редко бывал дома и на целые дни уходил в Большой театр или Консерваторию. Соседи познакомились. Взаимные одолжения сблизили их.

Так как присутствие детей иногда стесняло Амалию Карловну во время посещений Комаровского, Тышкевич, уходя, стал оставлять ей ключ от своего номера для приема ее приятеля.

Скоро мадам Гишар так свыклась с его самопожертвованием, что несколько раз в слезах стучалась к нему, прося у него защиты от своего покровителя.

Дом был одноэтажный, недалеко от угла Тверской.

Чувствовалась близость Брестской железной дороги. Рядом начинались ее владения, казенные квартиры служащих,

паровозные депо и склады.

Туда ходила домой к себе Оля Демина, умная девочка, племянница одного служащего с Москвы-Товарной.

Она была способная ученица. Ее отмечала старая владелица и теперь стала приближать к себе новая. Оле Деминой очень нравилась Лара.

UFA STUDIOS
УФА СТУДИО

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кира
НАЙТЛИ

Сэм
НИЛ

Доктор Живаго

Новейшая экранизация классического романа
Бориса Пастернака

DVD

В США еще раз экранизировали роман Пастернака в 2002 году

Все оставалось, как при Левицкой. Как очумелые, крутились швейные машины под опускающимися ногами или порхающими руками усталых мастериц. Кто-нибудь тихо шел, сидя на столе и отводя на отлет руку с иглой и длинной ниткой. Пол был усеян лоскутками. Разговаривать приходилось громко, чтобы перекрыть стук швейных машин и переливчатые трели Кирилла Модестовича, канарейки в клетке под оконным сводом, тайну прозвища которой унесла с собой в могилу прежняя хозяйка.

В приемной дамы живописной группой окружали стол с журналами. Они стояли, сидели и полублокачивались в тех позах, какие видели на картинках, и, рассматривая модели, советовались насчет фасонов. За другим столом на директорском месте сидела помощница Амалии Карловны из старших закройщиц, Фаина Силантьевна Фетисова, костлявая женщина с бородавками в углублениях дряблых щек.

Она держала костяной мундштук с папирсой в пожелтевших зубах, щурила глаз с желтым белком и, выпуская желтую струю дыма ртом и носом, записывала в тетрадку мерки, номера квитанций, адреса и пожелания толпившихся заказчиц.

Амалия Карловна была в мастерской новым и неопытным человеком. Она не чувствовала себя в полном смысле

хозяйкою.

Но персонал был честный, на Фетисову можно было положиться.

Тем не менее, время было тревожное. Амалия Карловна боялась задумываться о будущем. Отчаяние охватывало ее. Все валилось у нее из рук.

Их часто навещал Комаровский. Когда Виктор Ипполитович проходил через всю мастерскую, направляясь на их половину и мимоходом пугая переодевавшихся франтих, которые скрывались при его появлении за ширмы и оттуда игриво парировали его развязные шутки, мастерицы неодобрительно и насмешливо шептали ему вслед: «Пожаловал», «Ейный», «Амалькина присуха», «Буйвол», «Бабья порча».

Предметом еще большей ненависти был его бульдог Джэск, которого он иногда приводил на поводке и который такими стремительными рывками тащил его за собою, что Комаровский сбивался с шага, бросался вперед и шел за собакой, вытянув руки, как слепой за поводырем.

Однажды весной Джэск вцепился Ларе в ногу и разорвал ей чулок.

– Я его смертью изведу, нечистую силу, – по-детски прохрипела Ларе на ухо Оля Демина.

– Да, в самом деле, противная собака. Но как же ты, глупенькая, это сделаешь?

– Тише, ты не ори, я вас научу. Вот яйца есть на Пасху каменные. Ну, вот у вашей маменьки на комодке...

– Ну да, мраморные, хрустальные.

– Ага, вот-вот. Ты нагнись, я на ухо. Надо взять, вымочить в сале, сало пристанет, наглотается он, паршивый пес, набьет, сатана, пестерь, и – шабаши! Кверху лапки! Стекло!

Дом-музей Б.Л.Пастернака в Переделкино

Лара смеялась и с завистью думала: девочка живет в нужде, трудится. Малолетние из народа рано развиваются. А вот, поди же ты, сколько в ней еще неиспорченного,

детского. Яйца, Джек – откуда что берется? «За что же мне такая участь, – думала Лара, – что я все вижу и так о всем болею?»

«Ведь для него мама – как это называется... Ведь он – мамин, это самое... Это гадкие слова, не хочу повторять. Так зачем в таком случае он смотрит на меня такими глазами? Ведь я ее дочь».

11 СЕРИЙ

ОЛЕГ МЕНЬШИКОВ
СЕРГЕЙ ГАРМАШ
ЧУЛПАН ХАМАТОВА
ОЛЕГ ЯНКОВСКИЙ

ДОКТОР ЖИВАГО

А это уже афиша замечательной отечественной экранизации великого романа

Ей было немногим больше шестнадцати, но она была вполне сложившейся девушкой. Ей давали восемнадцать лет и больше. У нее был ясный ум и легкий характер. Она была очень хороша собой.

Она и Родя понимали, что всего в жизни им придется добиваться своими боками. В противоположность праздным и обеспеченным, им некогда было предаваться преждевременному проницательству и теоретически разносить вещи, практически их еще не касавшиеся. Грязно только лишнее. Лара была самым чистым существом на свете.

Брат и сестра знали цену всему и дорожили достигнутым. Надо было быть на хорошем счету, чтобы пробиться. Лара хорошо училась не из отвлеченной тяги к знаниям, а потому что для освобождения от платы за учение надо было быть хорошей ученицей, а для этого требовалось хорошо учиться. Так же хорошо, как она училась, Лара без труда мыла посуду, помогала в мастерской и ходила по маминым поручениям. Она двигалась бесшумно и плавно, и все в ней – незаметная быстрота движений, рост, голос, серые глаза и белокурый цвет волос были под стать друг другу.

Было воскресенье, середина июля. По праздникам можно было утром понежиться в постели подольше. Лара лежала на спине, закинувши руки назад и положив их под голову.

В мастерской стояла непривычная тишина. Окно на улицу было отворено. Лара слышала, как громыхавшая вдали пролетка съехала с булыжной мостовой в желобок коночного рельса и грубая стукотня сменилась плавным скольжением колеса как по маслу.

«Надо поспать еще немного», – подумала Лара. Рокот города усыплял, как колыбельная песня.

Свой рост и положение в постели Лара ощущала сейчас двумя точками – выступом левого плеча и большим пальцем правой ноги. Это были плечо и нога, а все остальное – более или менее она сама, ее душа или сущность, стройно вложенная в очертания и отзывчиво рвущаяся в будущее.

Boris Leonidovič Pasternak

IL DOTTOR ZIVAGO

ROMANZO

Feltrinelli Editore

Это обложка первого издания...

«Надо уснуть», – думала Лара и вызывала в воображении солнечную сторону Каретного ряда в этот час, сараи экипажных заведений с огромными колымагами для продажи на чисто подметенных полах, граненое стекло каретных фонарей, медвежьи чучела, богатую жизнь. А немного ниже, в мыслях рисовала себе Лара, – учение драгун во дворе Знаменских казарм, чинные ломающиеся лошади, идущие по кругу, прыжки с разбега в седла и проездка шагом, проездка рысью, проездка вскачь. И разинутые рты нянек с детьми и кормилиц, рядами прижавшихся снаружи к казарменной ограде. А еще ниже, думала Лара, – Петровка, Петровские линии.

«Что вы, Лара! Откуда такие мысли? Просто я хочу показать вам свою квартиру. Тем более что это рядом».

Была Ольга, у его знакомых в Каретном маленькая дочь именинница. По этому случаю веселились взрослые танцы, шампанское. Он приглашал маму, но мама не могла, ей нездоровилось. Мама сказала: «Возьмите Лару. Вы меня всегда предостерегаете: «Амалия, берегите Лару». Вот теперь и берегите ее». И он ее берег, нечего сказать! Ха-ха-ха!

Бессмертный роман создан за этим столом в Переделкино

Какая безумная вещь вальс! Кружишься, кружишься, ни о чем не думая. Пока играет музыка, проходит целая вечность, как жизнь в романах. Но едва перестают играть, ощущение скандала, словно тебя облили холодной водой или застали не одетой. Кроме того, эти вольности позволяешь другим из хвастовства, чтобы показать, какая ты уже большая.

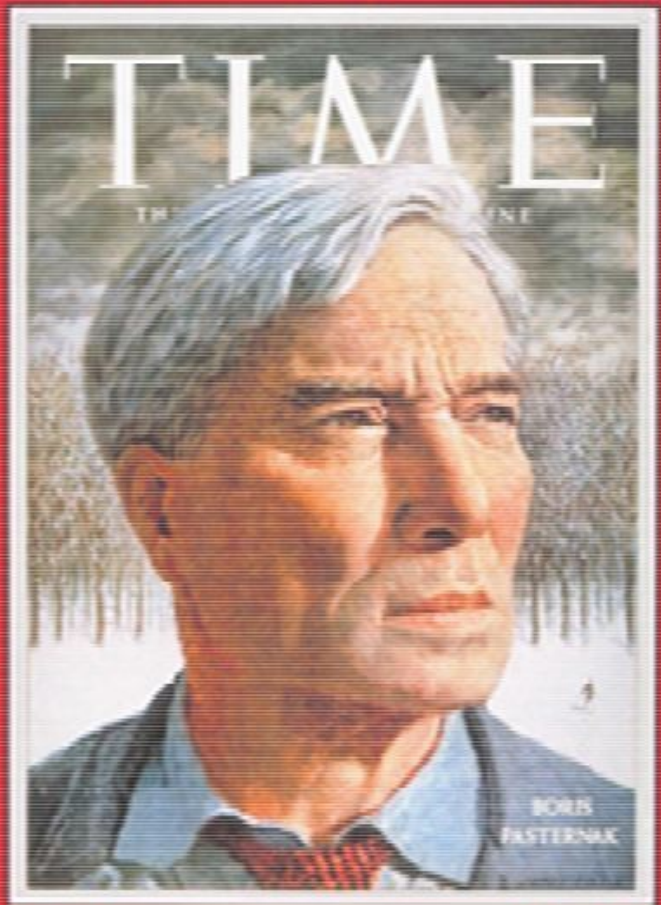
Она никогда не могла предположить, что он так хорошо танцует. Какие у него умные руки, как уверенно берется он

за талию! Но целовать себя так она больше никому не позволит. Она никогда не могла предположить, что в чужих губах может сосредоточиться столько бесстыдства, когда их так долго прижимают к твоим собственным.

Бросить эти глупости. Раз навсегда. Не разыгрывать простушки, не умильничать, не потуплять стыдливо глаз. Это когда-нибудь плохо кончится. Тут совсем рядом страшная черта.

FRANCIS & TAYLOR

DECEMBER 15, 1958

Обложка журнала «Тайм»... 15 декабря 1958 года

Ступить шаг, и сразу же летишь в пропасть. Забыть думать о танцах. В них все зло. Не стесняться отказывать. Выдумать, что не училась танцевать или сломала ногу.

Осенью происходили волнения на железных дорогах московского узла. Забастовала Московско-Казанская железная дорога. К ней должна была примкнуть Московско-Брестская. Решение о забастовке было принято, но в комитете дороги не могли столковаться о дне ее объявления. Все на дороге знали о забастовке, и требовался только внешний повод, чтобы она началась самочинно.

Было холодное пасмурное утро начала октября. В этот день на линии должны были выдавать жалованье. Долго не поступали сведения из счетной части. Потом в контору прошел мальчик с табелью, выплатной ведомостью и грудой отобранных с целью взыскания рабочих книжечек. Платеж начался. По бесконечной полосе незастроенного пространства, отделявшего вокзал, мастерские, паровозные депо, пакгаузы и рельсовые пути от деревянных построек правления, потянулись за заработком проводники, стрелочники, слесаря и их подручные, бабы поломойки из вагонного парка.

Пахло началом городской зимы, топтанным листом клена, талым снегом, паровозной гарью и теплым ржаным хлебом, который выпекали в подвале вокзального буфета и только что вынули из печи. Приходили и уходили поезда.

Их составляли и разбирали, размахивая свернутыми и развернутыми флагами. На все лады заливались рожки сторожей, карманные свистки сцепщиков и басистые гудки паровозов. Столбы дыма бесконечными лестницами подымались к небу. Растопленные паровозы стояли готовые к выходу, обжигая холодные зимние облака кипящими облаками пара...

(«Доктор Живаго»)

Роман, поначалу одобренный для печати, позже сочли непригодным «из-за негативного отношения автора к революции и отсутствия веры в социальные преобразования».

Впервые книга была издана в Милане в 1957 году на итальянском языке, а к концу 1958 года переведена на 18 языков, в том числе и английский. Позже английским режиссером Дэвидом Лином (1965) была создана первая экранизация романа Пастернака с Омаром Шарифом в роли Юрия Живаго.

Памятная Нобелевская медаль Б.Пастернака

В 1958 году Шведская академия присудила Борису Пастернаку Нобелевскую премию по литературе «за **значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа**», после чего центральные совет-

ские газеты «Правда» и «Литературная газета», с благословения советского правительства обрушились на поэта, называя его «изменником», «злобным обывателем», «клеветником», «Иудой», «вражеским наймитом»... Пастернака исключили из Союза писателей и вынудили отказаться от премии. Вслед за первой телеграммой в адрес Шведской академии, где говорилось, что Пастернак «...чрезвычайно благодарен, тронут, горд, изумлен и смущен», через 4 дня последовала вторая: «В силу того значения, которое получила присужденная мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я должен от нее отказаться. Не примите за оскорбление мой добровольный отказ». «Разумеется, этот отказ никоим образом не принижает значимости награды, – сказал на церемонии награждения член Шведской академии А.Эстерлинг, – нам остается только выразить сожаление, что награждение лауреата Нобелевской премии не состоится».

Травля Пастернака продолжалась... Оскорбленные в своих патриотических чувствах (хотя и не читавшие роман Пастернака) члены Союза Советских писателей требовали изгнания Пастернака из страны...

Роман, затрагивающий сокровенные вопросы человеческой жизни, тайны жизни и смерти, вопросы истории, христианства, еврейства, был, как мы видим, резко негативно встречен советской литературной средой, отвергнут к печати из-за неоднозначной позиции автора, прежде всего, к большевистскому перевороту и последующим изменениям в

жизни страны. Так, например, Э.Казакевич, к тому времени главный редактор журнала «Литературная Москва», все же прочитав роман, заявил: «Оказывается, судя по роману, Октябрьская революция – недоразумение и лучше было ее не делать», К.Симонов, главный редактор «Нового мира», отреагировал подобным же образом: «Нельзя давать трибуну Пастернаку!». Публикация романа на Западе (как мы упоминали, сначала в Италии в 1957 году про- коммунистически настроенным издательством Фельтринелли, а потом в Великобритании, с помощью И.Берлина) привела к настоящей вакханалии в советской печати, исключению Пастернака из Союза писателей, откровенным оскорблениям в его адрес со страниц советских газет, на собраниях трудящихся, инспирированных коммунистами (автор пособия был свидетелем подобных митингов). Следуя инструкциям, полученным из Отдела литературы ЦК КПСС, Московская организация Союза Писателей СССР, вслед за Правлением Союза Писателей, требовали высылки Пастернака из Советского Союза и лишения его советского гражданства. Среди писателей, требовавших высылки, были Л.Ошанин, А.Безыменский, Б. Слуцкий, С.Баруздин, Б.Полевой и многие другие.

В письме к советскому лидеру Н.С. Хрущеву, составленном юрисконсультom Союза писателей и подписанном Пастернаком, выражалась надежда, что поэту будет разрешено остаться в СССР. «Покинуть Родину для меня равносильно смерти... – писал Пастернак. – Я связан с Россией рождени-

ем, жизнью и работой». Глубоко потрясенный продолжающимися нападками на него лично и на его книги – реакцией, которой он никак не ожидал, когда начинал работу над «Доктором Живаго», последние годы жизни писатель безвыездно прожил в Переделкине, писал, принимал посетителей, беседовал с друзьями, ухаживал за садом. Писал стихи...

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.
Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.
Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.
Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.
Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.
И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,*

Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.
С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.
В лесу казенной землемериею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.
Был всеми оцутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:
«Прощай, лазурь преображенная
И золото второго Спаса
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.
Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женищина!
Я – поле твоего сражения.
Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

(«Август»)

Незадолго до смерти поэта в Переделкино приезжал знаменитый американский композитор и дирижер Леонард Бернштейн. Он ужасался порядкам в России и сетовал на то, как трудно вести разговор с министром культуры. На что Пастернак ответил: «При чем тут министры? Художник разговаривает с Богом, и тот ставит ему различные представления, чтобы ему было что писать. Это может быть фарс, как в вашем случае, а может быть трагедия»...

Снимок, сделанный на похоронах Б.Л.Пастернака

Вспомним снова характеристику Эренбурга, которую он дал Пастернаку: «... Жил он вне общества не потому, что

данное общество ему не подходило, а потому, что, будучи общительным, даже веселым с другими, знал только одного собеседника: самого себя... Борис Леонидович жил для себя – эгоистом он никогда не был, но он жил в себе, с собой и собою...».

Умер Пастернак в 1960 году от неожиданно и резко прогрессирующего рака легких (после только что перенесенного инфаркта)... За месяц до своей кончины он написал: «По слепому случаю судьбы мне посчастливилось высказаться полностью, и то самое, чем мы так привыкли жертвовать и что есть самое лучшее в нас, – художник оказался в моем случае не затертым и не растоптанным».

БОРИС ПАСТЕРНАК

Докumente
Бюро

Обложка одной из замечательных книг 2006 года о Б.Пастернаке. Автор – журналист, писатель Д.Быков

Расхождение Пастернака с коммунистическими идеалами было не политическим, а скорее «философским и моральным» – так считает критик и историк литературы Марк Слоним, который пишет: «Он верит в человеческие христианские добродетели, утверждает ценность жизни, красоты, любви и природы. Он отвергает идею насилия, особенно тогда, когда насилие оправдывается абстрактными формулами и сектантской демагогией». Пастернаку, воспитанному на идеях гуманизма и религии, трудно было принять советские принципы материализма, коллективизма и атеизма. Как отмечал американский биограф Пастернака, Роберт Пейн, «своими стихами и прозой Пастернак утверждал превосходство человека, человеческих чувств над репрессиями диктаторского режима». В письме одному из своих переводчиков, американскому слависту Ю.Кейдену, Пастернак писал, что «искусство не просто описание жизни, а выражение единственности бытия... значительный писатель своего времени – это открытие, изображение неизвестной, неповторимой, единственной живой действительности».

В начале 80-х годов отношение к Пастернаку постепенно стало меняться: поэт Андрей Вознесенский напечатал воспоминания о Пастернаке в журнале «Новый мир», вышел двухтомник избранных стихотворений поэта под редакцией

его сына Евгения Пастернака (1986). В 1987 году Союз писателей отменил свое решение об исключении Пастернака сразу после того, как стало известно, что в 1988 году в периодике (журнал «Новый мир») начнется публикация романа «Доктор Живаго». В 1989 году диплом и медаль Нобелевского лауреата были вручены в Стокгольме сыну поэта – Е.Б. Пастернаку. Под его редакцией вышло несколько собраний сочинений поэта, сегодня в России издаются многочисленные сборники, воспоминания и материалы к биографии писателя. В Переделкино, в доме Б.Л. Пастернака, работает музей. В Москве – в Лаврушинском переулке, в доме, где долгое время жил Б.Л. Пастернак, установлена мемориальная доска его памяти. О Борисе Леонидовиче пишут книги...

О.Меньшиков в главной роли в фильме А.Прошкина

«Доктор Живаго». 2005 год

К сожалению, в ноябре 2006 года на кладбище в Переделкино неизвестными варварами было совершено надругательство над могилой Пастернака, сожжен памятник по-эту... Нынче все уже восстанавливается...

Сегодня гениальные стихотворения и роман Пастернака включены в школьные программы. Российский читатель и зритель сумел посмотреть три экранизации романа Пастернака (1965 год – Дэвид Лин, 2002 год – Джакомо Каприотти), в том числе и российскую, в 2005 году (режиссер Александр Прошкин), с Олегом Меньшиковым в роли главного героя. Мы читаем эту книгу и по праву гордимся не только замечательным талантом Бориса Леонидовича, но и его потрясающей честностью и человеколюбием, открытостью и душевностью. Стоит добавить и о совершенно потрясающем таланте Пастернака-переводчика: «Ромео и Джульетта» и «Гамлет», «Фауст» – произведения, поистине приобретшие в его лице второго автора, не менее гениального и прозорливого. Действительно, это большое счастье, что книги Пастернака, его стихи и проза, дневники и письма возвратились к российскому читателю!

Быть знаменитым некрасиво.

Не это подымает ввысь.

Не надо заводить архива,

Над рукописями трястись.

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.
Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.
И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.
И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.
Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.
И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

(«Быть знаменитым некрасиво...»)

Глава III
Сальваторе Квазимодо
(Quasimodo)
1959, Италия

Сальваторе Квазимодо

Итальянский поэт *Сальваторе Квазимодо* (20 августа 1901 года – 14 июня 1968 года) родился в Модике, маленьком городке возле Сиракузы (Сицилия). Его отец, Гаэтано Квазимодо, был начальником железнодорожной станции, поэтому семья часто переезжала из одного сицилийского городка в другой. В 1916 году Сальваторе и его старший брат поступили в техническое училище в Мессине, где в это время жила семья. Хотя Сальваторе хотел учиться в гимназии, его родители решили дать детям техническое образование, считая это более практичным. В это время юноша увлекается поэзией, начинает читать классическую и современную литературу России и Франции, а также публикует свои первые стихи, вместе с друзьями выпускает газету, просуществовавшую, впрочем, очень недолго.

В 1919 году Квазимодо покидает Мессину и поступает в Римский политехнический институт, однако из-за денежных затруднений бросает учебу, получив диплом топографа.

В этом доме в Модике, на Сицилии, родился С.Квазимодо

В 1920 году он женится на Биче Донетти и начинает всерьез заниматься литературой, в чем его поддерживает монсеньор Рамполла, сицилийский священник в Риме. Будущий писатель изучает греческий и латынь и, неуверенный в своих литературных способностях, занимается работой, требующей технических знаний.

С 1926 года Квазимодо работает в министерстве гражданского строительства, много ездит по стране. Он с открытой неприязнью относится к фашистам, отчего не может профессионально заниматься журналистикой, зато начинает всерьез писать стихи. В 1929 году шурин Квазимодо, Элио Витторини, ставший впоследствии известным романистом, критиком и переводчиком, ввел его в литературные круги Флоренции, где Квазимодо встретился с поэтами Эудженио Монтале и Джузеппе Унгаретти, а также с Алессандро Бонсанти, редактором журнала «Солярий» («Solaria»), где были опубликованы несколько стихотворений начинающего поэта.

В 1930 году Бонсанти финансировал издание первого сборника стихотворений Квазимодо «Вода и земля» («Acque e terra»), где немало стихов посвящено Сицилии и, прежде всего, – маленький шедевр «Ветер над Тиндари» («Vento a Tindari»). Уже в первом сборнике Квазимодо ощущается влияние герметизма², поэтического направления, отли-

² Герметизм (итал. *poesia ermetica* герметическая поэзия), направление в ита-

чительными свойствами которого, по мнению литературоведов, являются «зашифрованная образность, культ слова и строгий, подчас загадочный интеллектуализм». К поэзии Квазимодо применимо понятие «магия слова», вера в то, что слова автономны, что они несут не только чисто описательную функцию...

*Тайное угадывалось время
в ожидании ночных дождей,
в том, как менялись облака,
волнистые колыбели,
и я был мертв.
Город между небом и землею
был моим последним приютом,
и меня со всех сторон окликали
ласковые женщины из прошлого,
и мать, помолодевшая с годами,
бережно перебирая розы,
белейшими чело мое венчала.
Ночь была на дворе,
и звезды уверенно плыли
по золотым траекториям,
и ставшее преходящим*

льянской поэзии 20-40-х годов XX века (Э. Монтале, Дж. Унгаретти). Главная установка – максимальное выявление символических возможностей поэтического слова, в том числе, посредством усложненных аналогий, ассоциаций и ритма; при этом слово или поэтический фрагмент дается вне традиционно окружающих его логических и риторических связей и примет реальности. Ориентируется на глубины субъективного мира человека.

*настигало меня в моих укрытиях,
чтоб напомнить об открытых садах и смысле жизни.
Но меня угнетала последней улыбкой
цветущая женищина, лежащая навзничь в цветах.*

*(«Цветущая женищина, лежащая навзничь в цветах», перевод
Е.Солоновича)*

Для герметической итальянской поэзии, господствовавшей в 20-30-е годы XX века, было характерно авторское сознание, отрицание традиционных поэтических приемов, отказ от логических и синтаксических связей. Герметики в своем творчестве хотели достичь нового музыкального измерения в поэзии и очистить слово от коннотаций³, вернуть ему первоначальную силу в мотивах одиночества, гуманистической скорби, трагических ощущениях мира, выраженных в изощренной поэтической форме.

³ Коннотация – дополнительное, сопутствующее значение какой-либо понятия или языкового выражения, определенным образом связанное с основным значением и влияющее на него.

SALVATORE QUASIMODO

ACQUE E TERRE

(POESIE)

EDIZIONI DI SOLARIA - FIRENZE
MCMXXX

Первое издание книги «Вода и земля»

Именно поэтика герметизма, сложная и виртуозная, позволила говорить о начале возрождения итальянской классической поэзии. В итальянском языке, как известно, «все рифмуется со всем». Однако этот принцип оказал итальянской поэзии не самую лучшую службу.

Возраставшее в арифметической прогрессии количество поэтов, «рифмоплетов» (зачастую без особого таланта) привело к девальвации языка Данте и Петрарки и падению интересов к итальянской поэзии, однако в начале XX века именно герметики, такие как Унгаретти, Квазимодо, Монтале вернули итальянской поэзии славу утонченной, восходящей к эпохе Древнего Рима, которая неизменно определяет содержание всей итальянской культуры...

LIRICI GRECI

TRADOTTO DA
SALVATORE
QUASIMODO
CON UN Saggio CRITICO DI
LEONARDO ANTONI

CORRENTE

Первое издание «Лирики Греции»

В течение следующих нескольких лет Квазимодо выпустил ряд поэтических сборников: «Потонувший го-бой» («Oboe sommerso», 1932), «Аромат эвкалипта и дру-гие стихотворения» («Odore di eucalyptus e altri versi», 1933), «Эрато и Аполлион» («Erato e Apollion», 1936), и «Стихо-творения» («Poesie», 1938). Реализм «Воды и земли» сме-няется в этих сборниках герметизмом. В 1932 году, через год после Монтале, Квазимодо удостоивается Флорентий-ской премии «Антико Фатторе», а в 1934 году переезжает в Милан, где сближается с кружком южноитальянских интел-лектуалов, называющих себя «юными эмигрантами». В это время Квазимодо сходится с Амелией Спечиалетти, и в 1935 году у них рождается дочь Ориетта.

NEWTON POESIA
Lit. 4900 Lit.

QUASIMODO

Poesie

Dal fascino evocativo e arcano
della «parola pura» fino al confronto
con i drammi umani e storici,
i versi di uno dei più grandi poeti
di questo secolo

Introduzione e scelta di Cesare Milanese

Обложка одного из первых изданий сборника С.Квазимодо «Стихотворения»

В 1938 году Квазимодо подает прошение об отставке из министерства гражданского строительства и становится ассистентом Чезаре Дзаваттини, писателя, редактора нескольких периодических изданий, принадлежащих издательству Мондадори, а в следующем году – редактором еженедельника «Темпо» («Il tempo»). В том же году у танцовщицы Марии Кумани от связи с Квазимодо рождается сын Алессандро.

В эти годы поэт много занимается переводами: его книга «Лирика Греции» («Lirici greci»), перевод древнегреческой поэзии на современный итальянский язык, вышла в 1940 году. В 1941 году Квазимодо становится профессором итальянской литературы Миланской консерватории имени Джузеппе Верди, а в 1942 году выпускает сборник избранных и переработанных стихотворений «И настал вечер» («Ed è subito sera»).

*И вот на ветвях раскалываются почки,
и зелень – новее травы –
ласкает сердце,
а ствол уж казался мертвым
и словно в промоину падал.
И все принимаю за чудо,
и я – та вода из тучи,
что отражает сегодня в канавах*

*самый синий кусочек неба,
та зелень, что в почках таилась
недавно – минувшей ночью.*

(«Зеркало», перевод Е. Солоновича)

Ужасы второй мировой войны, несчастья, обрушившиеся на землю и народ Италии, глубоко потрясли Квазимодо и привели к изменению его поэтического стиля, обратили его поэзию к социальным проблемам. В эти годы поэт участвует в движении Сопротивления и даже непродолжительное время находится в тюрьме Бергамо за антифашистскую деятельность. Тогда же происходит эволюция Квазимодо: поэт идет от герметизма к активной творческой позиции, «переход от поэзии внутреннего мира к поэзии сопричастности», как писали о нем позже критики.

Сальваторе Квазимодо. Бюст работы Ф.Мессины

В 1945 году Квазимодо вступил в итальянскую компартию, однако вскоре вышел из ее рядов, когда от него потре-

бывали сочинять политические стихи.

В послевоенные годы поэт пишет эссе, стихотворения, много переводит, выпускает программный для его творческой эволюции сборник стихов «День за днем» («Giorno dopo giorno», 1947).

После смерти первой жены в 1948 году Квазимодо женится на Марии Кумани. В это время он начинает писать театральные статьи, сначала для «Омнибуса», а затем для «Темпо».

В 1956 году выходит сборник стихотворений Квазимодо «Фальшивая и подлинная зелень» («Il falso e vero verde»), которому предпослано программное эссе «Рассуждения о поэзии» («Discorso sulla poesia»), где утверждается, что в своих стихах поэт обязан выражать свои идеологические взгляды.

*Еще недавно ты меня ждала,
с часами сердце путала.
Не важно, откроешь наугад или во мрак
установивший взгляд, – мир опустел, стучатся
в твоё высокое окошко листья
над перекрестком облачных дорог.
Со мной медлительность твоей улыбки,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.